

Анатолий Гусев

12+

Подъесаул Гундоровского полка

Анатолий Алексеевич Гусев

Подъесаул гундоровского полка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39436510

SelfPub; 2018

Аннотация

В один день бывший подъесаул Андрей Зайцев, а ныне заключённый лагеря особого назначения, узнал, что ему разрешили свидание с женой, а к вечеру должны применить к нему высшую меру социальной защиты...

Картинку к обложке можно найти на: Liveintemet.ru
sammler.ru Forum ww2.ru

Подьесаул 10 Донского казачьего полка, уроженец хутора Петровский станицы Урюпинская Области Войска Донского Зайцев Андрей Кондратьевич, а ныне заключённый в лагере Особого Назначения, ка-эр, то есть контрреволюционер стоял перед надзирателем отряда.

Подьесаулу тридцать четыре года, высокий, статный, белокурый и голубоглазый, с пшеничными усами – ибо негоже казаку с бабьим лицом ходить. Жизнь мотала его от Хопра до Карпат, от Карпат до Дона, от Дона до Кубани, с Кубани до Крыма, а с Крыма до города Варна, что в Болгарии. Из Болгарии его Советская власть уговорила уехать, вернуться на Родину. Он вернулся. От греха подальше уехал из хутора с семьёй в Тамбов, где работал бухгалтером. Но не прошло и года, как его арестовали. И как контрреволюционера отправили на Север, в лагерь Особого Назначения.

Надзирателя звали Иван Патрикеевич Подколодный. Отроду ему было тридцать лет, чёрный, как ворон, глаза тёмные с хитринкой. Уроженец Области Войска Донского, но не казак, а иногородний, как таких тогда называли казаки, работал на шахте. Не шахтёр, был столяром при шахте. Из своего родного города – Александровск-Грушевский, призван в армию в начале Империалистической войны, попал на флот, на крейсер «Аврора». Ушёл добровольцем на фронт в 1918 году. Вот тогда, через год, он впервые столкнулся с Андреем

Зайцевым.

Было это во время Донского восстания, когда их полк, где Подколотный был комиссаром, столкнулся с Гундоровским Георгиевским полком и был разбит. А о гундоровцах слава шла великая, одно их имя вселяло ужас среди красных. Казаки в полку имели минимум по два Георгиевских креста, отличались храбростью, отвагой и необычной дружбой, боевым братством. А сформирован он был в основном из 10 Донского казачьего полка.

В ноябре 1919 года комиссар Подколотный вместе с комполка, после боя у одной из станиц, попал в плен.

Белая армия вообще и белоказаки в частности не имели возможности содержать пленных. Если красные могли себе позволить охранять и содержать пленных, то для белых это уже было излишество, самим бы прокормится. Поэтому пленных красногвардейцев или убивали, или предлагали перейти на сторону белых, или отпускали.

Комиссара и комполка привели казаки из-под берега Дона, в курень к сотнику. А сотником был Андрей Зайцев. Он с жалостью смотрел на мокрого, продрогшего, измазанного глиной матросика. Что перед ним комиссар отряда до сотника не дошло. Разглядев второго пленника, что держался гордо и независимо, сотник воскликнул с изумлением:

– Мирон Ильич? Кузмин? Это вы? Господин войсковой старшина? У красных? – и казакам. – Это казак со станицы Луганской. Полный Георгиевский кавалер!

– А чему вы удивляетесь, сотник? – спокойно сказал Кузмин, статный сорока восьмилетний казак, чёрный, как турок, с цыганской бородой.

– Да большинство с верховых станиц за красных. Моих земляков с Урюпинской, на пример. Но с низовых?

– На войне всё бывает, сотник. И вы сами тому пример.

– И кем вы у красных, товарищ войсковой старшина?

– Ротный, – не задумываясь соврал комполка.

– Значить мы с вами, Мирон Ильич, в одном звании.

– В одном. Поднимусь, если не расстреляете. Я и в царской армии, в Японскую, прошёл путь от хорунжего до подъесаула.

– Знаю, и были лишены звания за революционную деятельность. Даже странно, что вы только ротный у красных.

Кузмин усмехнулся в бороду:

– Нет, не странно, не дюже доверяют просто. Странно то, что в Германскую опять поднялся до войскового старшины.

– Во как человека мотает, – сказал один из казаков.

– Так, что, братья, – спросил Андрей, – к стенке его?

– Да как-то жалко, господин сотник. Всё же свой, казак.

– И что, что казак? Отпустим, против нас воевать будет.

– А может – не будет.

– Я так думаю: предав раз, предаст и второй.

– Кого это я предал? – вскипел Кузмин. – Да я с измальства всё добивался сам! Это ты, сотник, из донских дворян! У тебя яблоневого сады по Хопру, батраки на тебя работают!

А я из рядовых казаков!

– А моим предкам, что, за красивые глаза дворянство пожаловали?

Кузмин не успел ответить, как огромный казак с сивой бородой с четырьмя «георгиями» на шинели, сказал:

– Хватить спорить, господа офицеры. Казака к стенке ставить не будем. По-хорошему, надо бы ума ему плетью вложить, да боевого офицера трогать не пристало. Отпустим, может быть дойдёт, что против собственного народа воюет.

– А если – нет? У красных тот же народ воюет и, даже, казаки имеются.

– В бою пристрелим. Всё одно его не мы, так Бог покарает.

– Ладно, будь, по-вашему. Не хочешь к нам перейти, Кузьмин?

– Нет.

– Что так?

– Это жизнь свою перечеркнуть, да и не победите вы.

– Это мы ещё посмотрим! Не хочешь – как хочешь, – и казакам. – А с матросиком что делать будем?

– Так иногородний – к стенке и вся недолга. Землю нашу хотели отобрать! А она кровушкой казачьей полита! Из-за этого зараз и восстали.

– Ты откуда родом, морячок?

– Из Александровск–Грушевского.

– Хохол?

– Нет.

– Стал быть, иногородний. Шахтёр?

– Столяр при шахте.

Комиссар Подколотный поёжился, неудобно ему стало как-то, даже Кузмин здесь был свой. А он? Иногородний, пролетарий, матрос – более чужеродного элемента в казачьем курене представить было не возможно. Зайцев тоже это понял, посмотрел на него, усмехнулся:

– Даже не плотник! Курень срубить сможешь? Нет? Этому иногороднему, станичники, ваша земля без надобности. Что он с ней делать будет? Эта заваруха кончиться, опять столяром на шахту пойдёт, рубанком махать. И его отпустим. Надо было бы вам там его на берегу Дона и кончать. А теперь уж не нать. Что нам с этого паренька? Не вару, не навару. У него вся жизнь впереди. Пушай идёт, а к нам не попадается.

Сотник был на четыре года старше своего пленника, но считал себя бывалым. А как же? Прошёл войну, полный Георгиевский кавалер.

– Погинет в степу, – сказал кто-то из казаков. – В мокрой-то одежонке. Ветер ноне холодный. До костей пробирает. По-хорошему, лучше уж зараз хлопнуть.

– Ежели уж одного пощадили, то и второго нать пощадить.

– Всё одно в степу замёрзнет. Войсковой-то старшина в тулупе, а у этого одежонка на рыбьем меху. Ежели жалко – лучше пристрелить.

– Да он вроде как моряк, – усомнился сотник, – привычный должен быть к сырости и ветру.

– Может его матроска и мокрая греет, – казак указал на тельняшку, – а только ночью всё одно замёрзнет.

– А, – махнул рукой сотник. – Миловать, так миловать. Оставайтесь оба в курене. Городской, землю отбирать не придёт потом? Аль придёшь? Ладно, располагайтесь.

Остались. В доме Ивана и Мирона переодели в сухое. Форму Ивана постирали – и бушлат, и брюки-клёш, и тельняшку, налили самогону, накормили. Познакомились, поговорили про жизнь и наутро все трое мирно расстались почти друзьями.

Об этом приключении ни комиссар Иван Подколотный, ни комполка Мирон Кузьмин не распространялись, боялись. Ведь самогон-то пили с классовым врагом, могли не так понять.

Второй раз они встретились в Болгарии, где коммунист Подколотный агитировал белоэмигрантов вернуться на Родину.

А третий раз уже здесь, на Севере, в лагере Особого Назначения. Он был надзирателем, назначенный администрацией лагеря, как бывший чекист, отбывал наказание за изнасилование комсомолки, когда пригнали Андрея Зайцева.

Они сделали вид, что друг друга не знают и ни какой выгоды от своего знакомства не получили. Впрочем, режим в лагере только начал ужесточаться, но политические заключённые, в том числе и ка-эры ещё пользовались привилегированным положением. Они были освобождены от принуди-

тельных работ, могли свободно общаться друг с другом, видится с родственниками и пока ещё даже получали помощь от Красного Креста. И содержали их отдельно от других заключённых.

Иван Подколотный встретил Андрея довольно таки дружески, что не на шутку растревожило подьесаула.

– Садись, Андрей, – сказал Подколотный.

– Да уж второй год сижу, – пошутил Зайцев. – И зачем только ты меня из Болгарии сдёрнул?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.